УЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Унинчи йил нашри

7

1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

ФАН

ние о судах казиев[16], упразднившее съезд халк-казиев и халк-биев как апелляционную инстанцию. Теперь с просьбой об отмене решения халк-казиев и халк-биев и пересмотре дела можно было обращаться в ближайший уездный народный суд (в двухнедельный срок).

Народный суд, пересмотрев дело по единым правилам советского судопроизводства, быстрее и справедливее разрешал его и тем самым доказывал трудящимся местных национальностей преимущества советского народного суда, советского судопроизводства перед старым, основанным на нормах шариата и адата. Кроме того, рассмотрение и разрешение жалоб на решения судов казиев и биев способствовало налаживанию контроля над их деятельностью со стороны народных судов и местных Советов.

Анализ кассационной практики Советов народных судей за изучаемый период показывает, что, рассматривая дела в кассационном порядке, они не ограничивались формальной проверкой решений народных судов, а тщательно и объективно проверяли соответствие ревизуемых решений советским законам и фактическим обстоятельствам дела и в случае незаконности или несправедливости решений тут же отменяли их.

Так, Семиреченский совнарсуд определением от 18 августа 1922 г. отменил решение нарсуда Верненского судебного района от 17 июня 1922 г., указав, что суд ограничился объяснениями сторон, не допросил свидетелей и тем самым допустил неполноту судебного разбирательства[17]. Этим же Совнарсудом было пересмотрено решение народного суда Токмакского судебного района от 21 августа 1922 г. об отказе в иске только на том основании, что он предъявлен женщиной. Усмотрев в этом решении явное противоречие советским декретам, установившим полное равноправие женщин с мужчинами, кассационная инстанция отменила его[18].

Заметные изменения в области кассации судебных решений по гражданским делам произошли в связи с принятием 15 апреля 1923 г. Положения о судоустройстве ТАССР, которым были упразднены областные Советы народных судей. Право рассмотрения кассационных жалоб и протестов на решения народных судов было предоставлено вновь созданному гражданскому отделению областных судов. Дела в кассационном порядке рассматривались в составе трех членов областного суда, один из которых председательствовал в заседании. Дела докладывались одним из присутствовавших на заседании членов облсуда. На каждую поступившую кассационную жалобу давалось письменное заключение прокурора.

Кассационные жалобы и протесты на решения областных судов ТАССР вносились непосредственно в Гражданскую кассационную коллегию Верховного суда РСФСР[19].

Важной вехой в развитии института кассации в ТАССР было принятие Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г., действовавшего до образования Узбекской ССР и принятия Гражданского процессуального кодекса УзССР. ГПК РСФСР 1923 г. сохранил и развил основы советской кассации, заложенные ленинскими декретами о суде, положениями о народном суде РСФСР и др. При этом были учтены новые условия и новые задачи, вставшие перед советским судом в связи с осуществлением новой экономической политики и развертыванием социалистического строительства в нашей стране.

Мы считаем, что нельзя согласиться с мнением Н. И. Авдеенко и М. А. Кабаковой о том, что «ГПК РСФСР 1923 года не регулировал всех вопросов института обжалования. В связи с этим он нуждался в ряде изменений и дополнений»[20]. На наш взгляд, ГПК РСФСР 1923 г. был кодексом, полностью отразившим основные положения советской кассации судебных решений и требования своего времени. Что же касается последующих дополнений и изменений его, то они были закономерными, продиктованными всем ходом дальнейшего развития социалистического строительства в СССР.

Н. Ильхамов

[16] Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТССР за 1917—1922 гг., Ташкент, 1922, стр. 127—129.

[17] ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 90, л. 52.

[18] Там же, л. 71.

[19] Там же, ф. Р-343, оп. 2, д. 1, л. 4.

[20] См. «40 лет советского права», т. I, Изд-во ЛГУ, 1957, раздел XII, «Гражданское процессуальное право».

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ХИВЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX — начала XX в. Хивинское ханство, находившееся под протекторатом царской России, оставалось крайне отсталой аграрной колониальной окраиной, где продолжал господствовать феодальный строй с сильными пережитками родо-племенных отношений. Положение народных масс, изнывавших под двойным гнетом царских колонизаторов и местных феодалов, было исключительно тяжелым. Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, жили в нищете, бесправии, темноте и невежестве. Они испытывали жестокое бремя феодальной эксплуатации, невыносимый произвол и притеснения местных властей, разорялись хищническим торгово-ростовщическим капиталом. Все это вело к росту обнищания и обезземеливания широких масс непосредственных произ-

водителей. Так, в 115 мечетях Хивинского района безземельные составляли 12%, в 154 мечетях Ново-Ургенчского района — 15%[1] и т. д. Лишившиеся своих наделов крестьяне превращались в издольщиков, батраков. Например, земли Мухаммед-Панах-бая в окрестностях г. Хивы обрабатывали 83 хозяйства батраков[2].

Особенно тяжкий гнет испытывали населявшие ханство туркмены, каракалпаки и другие народности. Ханские власти облагали их непомерными налогами. С 1875 г. туркмены вместо ирригационной и воинской повинности должны были платить, помимо других сборов, по 12 тилля (21 руб. 60 коп.) за каждый атлык (30 танапов), а также налоги «закет-кесым», «дахьяк», «ушр» и др.[3] Кроме того, ханское правительство взимало с них различные подати. Одна лишь контрибуция, наложенная ханом на туркмен, составляла почти полмиллиона рублей.

Даже царские чиновники отмечали, что «туркмены сильно раздражены на хана и его сановников вследствие сбора с них в излишнем количестве податей и контрибуции...»[4]

В феврале 1875 г. представители от 2 тыс. кибиток туркмен-иомудов и чаударов — старшины Балям аталык, Маматкули батыр, Палван-Кули и Исенбай — обратились к начальнику Амударьинского отдела Туркестанского края с прошением о принятии их в российское подданство. Получив отказ, туркмены стали действовать более активно. Упомянутые старшины писали начальнику отдела, что «мы, иомудские, старшины, просили отсрочку на уплату нукерских денег[5], но такой не дали, говоря, что взыщут деньги, не позволив встать с места. Русские деньги (т. е. контрибуцию.— *А. С.*) и закет уплатим, а из нукерских денег не дадим ни одного кокана»[6].

Среди крестьян распространялись слухи, что «туркестанским генерал-губернатором наложена на иомудов контрибуция не в 60 тыс. тиллей (108 тыс. руб.), а в 60 тыс. руб., ... что туркмены в течение 20 лет не должны платить никаких податей и повинностей...» и т. д.[7]

В 1875—1876 гг. ханские власти направили в туркменские районы, отказывавшиеся платить налоги, карательный отряд в составе 1500 человек. Протестуя против произвола ханских властей, туркмены-емрели заявили тогда, что, «так как к ним прислано в качестве ясаулов много людей, то пусть же они возьмут с них деньги силой, а добровольно они не дадут ни гроша, и что согласятся платить в том только случае, если с них будут собирать деньги по-прежнему постепенно»[8].

В. И. Ленин писал о крестьянине: «...Условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековьем»[9]. Эти ленинские слова полностью относятся и к хивинским крестьянам, среди которых росло острое недовольство гнетом и эксплуатацией со стороны феодалов, торгово-ростовщического капитала и ханского государства, эксплуатировавшего их на феодальной основе.

Растущий протест крестьян выражался в массовых случаях отказа от уплаты податей и выполнения феодальных повинностей, в захвате земли, имущества феодалов, избиении ненавистных народу налоговых сборщиков, представителей ханской администрации. Так, в октябре 1876 г. туркмены-иомуды связали и избили прибывшего к ним хивинского сановника Кулмурад Сардара[10]. 31 декабря 1876 г. начальник Амударьинского отдела писал в своем рапорте туркестанскому генерал-губернатору: «В отношении туркмен хан хивинский недоумевает, какие предпринять ему меры: заставить подчиниться себе во всем не может, а между тем они действительно не платят ему никаких повинностей ни за настоящий, ни *за прошлый год...*»[11]

Нередко антифеодальные выступления крестьян принимали форму вооруженной борьбы. Небольшие отряды крестьян разрушали дома феодалов, изгоняли сборщиков налогов, уничтожали долговые расписки («казыхаты»).

В 70—80-х годах XIX в. крестьянские отряды во главе с Ураз-балы действовали в районе Питняка, Казак-балы — в районе Хазараспа, муллы Бабаджана — в районе Нового Ургенча, Айман Кала — в районе Амбар-Манака, Ураз-казы и Балям-аталыка — в районе Куня-Ургенча.

Туркменские отряды, в отличие от других крестьянских отрядов, действовали более сплоченно и организованно. Сохранявшаяся у туркмен сельская община с существовавшими в ней видоизмененными остатками родо-племенной демократии становилась как бы элементарной организационной ячейкой сопротивления крестьян феодальной эксплуатации. «Община, хотя бы и закрепощенная, — писал Ф. Энгельс, — давала угнетенному классу, крестьянству, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплочен-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 402, л. 1—48; д. 399, л. 1—15.

[2] Там же, д. 400, л. 112, 132; д. 402, л. 12.

[3] Там же, д. 473, л. 1—4.

[4] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 63.

[5] До 1873 г. за пользование «атлычными землями» туркмены с 5 танапов уплачивали 1 тилля и выставляли одного всадника с каждой кибитки, а после 1873 г. — 12 тилля.

[6] Кокан — условная денежная единица, равная 10 коп. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6894, л. 18).

[7] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 65.

[8] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6883, л. 127.

[9] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 437.

[10] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6894, л. 16.

[11] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 69.

ность и средства к сопротивлению»[12]. Во время восстаний туркменские крестьяне выступали аульными общинами, как правило, под руководством своим аксакалов и аталыков и часто сохраняли родо-племенную связь, что придавало определенную организованность движению.

Несмотря на присущую крестьянским движениям локальность и стихийность, восставшие крестьяне проявляли местами большую сплоченность и самопожертвование, оказывая упорное сопротивление ханским властям и карательным отрядам.

В беседе с начальником Амударьинского отдела хан жаловался на туркмен, которые «не платят ни подати, ни тех денег, которые остались за ними». Для подчинения их у хана не хватало нукеров и денег, и он просил, чтобы царские власти постоянно держали в ханстве русские войска или отпускали ему деньги для борьбы с движением туркмен[13].

Хан был орудием в руках царизма, верным проводником его колониальной политики в Хиве. Поэтому царские власти всегда приходили на помощь своему сателлиту. Так, в январе 1877 г. на помощь хану были отправлены сотня казаков и 4 роты пехоты с тяжелыми орудиями.

Царские чиновники считали «полезным держать туркмен в постоянном страхе, и спокойным движением по их кочевьям и им, и остальному населению доказать свое бессилие туркмен против нас и невозможность не подчиняться хану, раз мы оказываем последнему помощь»[14].

Опираясь на царские штыки, хан жестоко расправлялся с восставшими. Так, в Бийбазаре было повешено 4 узбека, в Ташаузе — 2 узбека и 2 туркмена, в Ильялы арестовано 20 человек, из них казнены 2 узбека. Были казнены также один из руководителей крестьянских отрядов Ураз-казы, его мать и брат[15].

Однако жестокие репрессии не могли подавить антифеодальное движение крестьян. В конце 90-х годов с новой силой вспыхнули волнения крестьян в юго-западных районах ханства. Конкретные причины нового подъема крестьянского движения вкратце сводились к следующему. В 80-х годах была восстановлена плотина Бент на Дарьялыке, преградившая ток воды из Лаузана и Шамурата в Дарьялык. Крестьяне, жившие близ Дарьялыка и выведенных из него каналов, оказались в бедственном положении. Часть их перекочевала в район Куня-Ургенча, часть ушла в Закаспийскую область.

Плохая организация очистки ирригационных каналов обусловила маловодье в каналах Хан-яб, Лаузан, Нурак, Сабет-ярган, Кизыл-такыр, Шамрат, Он-кулач, Шаркраук. В результате резко сократилась площадь орошаемых земель. От засухи гибли урожаи, и многие крестьяне голодали. Зима 1899—1900 гг. была очень сурова, — писала газета «Русский Туркестан», — туркмены, живущие в ханстве, потеряли много скота, у оседлых туркменов озимые посевы вымерзли, хлеб вздорожал. Прокармливаться даже состоятельным стало очень трудно, а бедным совсем невозможно»[16]. Многие хозяйства не получили никакого урожая.

Однако ханское правительство по-прежнему требовало уплаты высоких налогов, при сборе которых допускались всякие злоупотребления. К тому же узбекские феодалы продолжали захватывать у туркмен наиболее удобные орошаемые земли.

В 1900 г. туркмены обратились к военному министру России с прошением об упорядочении оросительной системы Лаузана и установлении определенной подати за пользование землей и водой вместо произвольных поборов хана. Они писали, что хан, «желая нас подчинить себе, поставил плотину (Салах-Бент. — *А. С.*) при начале арыка (Лаузана. — *А. С.*), давшего нам воду из Амударьи, чем приобрел возможность лишить нас ее, когда признает это для себя нужным»[17]. Далее они сообщали, что 8 тыс. кибиток (около 40 тыс. человек) терпят постоянные притеснения от хана и его сановников, которые «дают мало воды и вместе с тем требуют уплаты таких податей, которых мы не в состоянии им выплачивать, вследствие малой площади посевов. Кроме того, при неуплате требуемого хлеба, они забирают наш скот и всякое иное имущество и грозят продажей в рабство наших женщин, сопровождая эти сборы насилием и убийствами»[18].

Крестьяне подчеркивали, что их терпение истощилось и теперь они, будучи совершенно разоренными и не имея возможности куда-либо перекочевать, просят принять их в российское подданство или разрешить прорыть канал своими силами и пустить воду к Лаузану, а также «понудить хивинского хана собирать с нас за пользование землею и водою определенную подать соразмерно с получаемыми доходами, а не производить произвольные сборы, не ограничивая таковые какой-либо суммой, как это существует в настоящее время»[19].

Это прошение было оставлено без последствий, и туркменам пришлось бросить свои земли у Дарьялыка. Часть их перекочевала к границам Афганистана, часть перешла к низовьям Газавата, Шахабада и других оросительных систем, где также едва хватало воды для земледелия.

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 132.

[13] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6883, л. 113—117.

[14] Там же, д. 6875, л. 73.

[15] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 96—97.

[16] Газ. «Русский Туркестан», 1901, № 26, 27.

[17] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 174, л. 1.

[18] Там же.

[19] Там же.

Тяжелое материальное положение, невыносимый гнет вызывали все новые выступления крестьян против своих угнетателей. Осенью 1900 г. ханское правительство направило 500 нукеров во главе с Мат-Муратом диванбеги для подавления волнения туркмен. Навстречу им вышли 4 тыс. туркмен, которые собрались около плотины Салах-Бент на канале Лаузан. И карательный отряд вынужден был возвратиться в Хиву. 9 декабря 1900 г. начальник Амударьинского отдела сообщал, что «иомуды отказались уплатить подать, оскорбили и прогнали посланцев диванбеги, который, опасаясь серьезных беспорядков, был вынужден поспешно возвратиться из Куня-Ургенча в Хиву, хотя имел 500 нукеров»[20].

Ханское правительство нередко прибегало к убийству из-за угла руководителей крестьянских движений. Так, в 1898 г. были убиты Сахар-хан с сыном. В 1902 г. Мат-Мурат диванбеги организовал убийство Махмуд-хана, который пользовался большим авторитетом среди туркмен рода орускошчи и других родов. В 80—90-х годах он возглавлял выступление туркмен против хана. Объясняя причину убийства Махмуда в письме от 6 мая 1902 г., хан писал, что сам приказал убить его, ибо боялся «оставить среди колли-иомудов (озерных иомудов. — *А. С.*) Махмуда Аталова при настоящих вредных действиях»[21].

В то же время усиление крестьянского движения заставляло феодалов и представителей царской администрации идти на известные уступки. Так, в 1903 г. хан вынужден был удовлетворить требование озерных туркмен-иомудов и заменить «закет-кесым» и «дахьяк» кибиточной податью (20 тенег с кибитки)[22].

Официальные документы русских чиновников не отражают истинной картины антифеодальной борьбы трудящихся Хивы в 90-х годах XIX в. Если судить по официальным данным, в ханстве все казалось спокойным. На самом же деле доведенные до отчаяния трудящиеся массы неоднократно выступали против хана и феодалов, опиравшихся на поддержку царизма. Эти выступления нередко приводили к столкновениям с силами царских властей. Так, А. В. Пясковский отмечает, что в Кунграде «местные скотоводы-казахи, прибывшие на базар, не побоялись вступить в рукопашную схватку с казаками III-й сотни первого Астраханского казачьего полка, причем нанесли казаку Борису Гаврилову тяжелые раны в голову». Схватка эта (или, как ее называют царские документы, «драка») произошла 26 декабря 1901 г.[23]

Ханские и царские власти по-разному толковали причины непрекращавшихся народных волнений. Хан объяснял «беспорядки и грабежи как частные случаи», утверждая, что «везде есть дурные люди...»[24]. Начальник Амударьинского отдела, со своей стороны, писал, что «сановниками хана население издавна недовольно..., что народу на левом берегу живется труднее...»; «корень всего зла — хивинское правительство, которое своей апатией и жадностью к деньгам, вооружает против себя население и вместе с тем, боясь последнего, смотрит сквозь пальцы на все грабежи и беспорядки в ханстве..., ханские нукеры, которых посылают ловить воров, сами везде грабят, сваливая вину на туркмен»[25].

Выступления крестьян были, как правило, стихийными, неорганизованными, локальными, не выходившими за пределы того или иного района, причем отряды восставших обычно были малочисленными.

В. И. Ленин писал, что «вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков... Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[26].

Но несмотря на все свои недостатки и слабые стороны, крестьянское освободительное движение сыграло большую роль в расшатывании старых, феодальных устоев, реакционного режима ханской деспотии. В начале XX в. в Хиве происходит дальнейшее обострение социальных противоречий, рост классовой борьбы народных масс, антифеодальное и антиколониальное движение которых развернулось с новой силой в период первой русской революции 1905—1907 гг.

А. С. Садыков

---

[20] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 116, л. 11.

[21] Там же, л. 10.

[22] Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 149, л. 7.

[23] А. В. Пясковский, Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, М., 1955, стр. 175.

[24] ЦГВИА, ф. 1996, оп. 2, д. 114, л. 24, 34, 101—102.

[25] Там же, ф. 483, д. 6894, л. 62.

[26] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 194.

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ «ШИБЕР» И «СИБИРЬ»

Топонимика — наука, изучающая географические названия, их систему, историю происхождения и классификацию, — нередко помогает научно решить многие спорные вопросы из истории прошлого, точнее устанавливать этнические границы, направления древних переселений народов, колонизации территорий. Большая роль принадлежит топонимике в изучении истории языка, особенно лексики и словообразования. Нередко забытое, вышедшее из употребления слово продолжает жить в форме географиче-

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1985

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

К 80-летию революции 1905-1907 годов

К. З. ХАКИМОВА

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ НА ПОДЪЕМ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

Революция 1905—1907 гг. пробудила к политической жизни широчайшие массы рабочих и крестьян не только Центральной России, но и таких отдаленных национальных районов страны, как Туркестан.

Вслед за рабочими в революционное движение включается и трудовое крестьянство. Так, уже в апреле 1905 г. туркестанский генерал-губернатор Н. Н. Тевяшев писал военному губернатору Ферганской области: «...По полученным мною сведениям, среди киргизского населения за последнее время замечается некоторое брожение, вызываемое, очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера»[1].

16 апреля Н. Н. Тевяшев требует от военного губернатора Самаркандской области В. Ю. Мединского установления тщательного наблюдения за кочевниками в связи с брожением среди киргизского (казахского) населения[2].

Борьба крестьян проявлялась в различных формах: в жалобах на подкупы при выборах, на утверждение в должности волостных управителей лиц, получивших на выборах меньшее число голосов, в срыве выборов, в отказах платить налоги, выполнять повинности, в захватах земли, воды, в сопротивлении землемерам, отрезавшим крестьянскую землю, в нападениях, а порой и убийствах представителей лесной стражи, запрещавшей пастьбу скота и заготовки дров, и т. п.

Острая борьба развернулась в 1905 г. в период выборов местной сельской администрации — волостных управителей и сельских старшин. Представители сельской администрации обладали почти неограниченными правами при раскладке податей, распределении различных повинностей и т. п. Поэтому во время выборов обычно наблюдалось острое соперничество между различными группами сельской верхушки, стремившимися провести на эти должности своих ставленников.

Беднейшие же слои крестьянства выдвигали на эти должности своих кандидатов, которые защищали бы их интересы.

Так, в кишлаке Пап Наманганского уезда 20 февраля 1905 г. в присутствии участкового пристава, штабс-капитана Богаевского произошло волнение крестьян. Когда Богаевский отказался принять их жалобу по поводу неправильных выборов сельского старшины, собравшиеся бросились к нему с криком: «Ур!» («Бей!»). Богаевскому едва удалось избежать расправы[3]. 20 февраля 1905 г. в Янгикурганской волости Наманганского уезда крестьяне сорвали выборы волостного управителя и его кандидата. На выборы приехали начальник Наманганского уезда Иессен с янгикурганским и нанайским участковыми приставами, капитаном Котовичем и поручиком Новгородским. Право избирать волостного получили только заранее выбранные пятидесятники. Это вызвало возмущение крестьян. Некоторые выборные были избиты, а представи-

[1] ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 8304, л. 1.
[2] Там же, ф. И-22, оп. 1, д. 899, л. 22.
[3] Там же, ф. И-1, оп. 13, д. 548, л. 4 об.

телям царской администрации пришлось поспешно убраться из этого пункта. Выборы были приостановлены. Крестьяне решили идти жаловаться в Наманган, но там они были разогнаны, а руководители волнений арестованы[4].

В ряде уездов Ферганской области произошли тогда столкновения населения с царскими чиновниками и даже войсками.

В отдельных местах области беднейшие слои крестьянства выступали настолько активно, что даже смогли провести своих представителей в волостные управители. Например, в Сусамырской волости Наманганского уезда волостным управителем был избран бедняк Джанай[5].

В связи с крупными волнениями крестьян в ряде волостей Наманганского и Андижанского уездов в феврале-марте 1905 г. выборы были сорваны.

В других областях крестьяне также выступали против избрания неугодных им представителей низовой сельской администрации. Так, крестьяне Хальваинской волости Самаркандского уезда неоднократно жаловались на неправильные выборы волостного управителя и народного судьи[6]. В результате население добилось там признания недействительными старых выборов и назначения новых. Причем вначале были проведены перевыборы выборщиков-пятидесятников, что обычно никогда не практиковалось царскими властями. Затем уже были назначены выборы волостного управителя, кандидата к нему и народного судьи[7]. Это была известная победа трудового населения.

Интересна коллективная жалоба 31 пятидесятника Зааминской волости Джизакского уезда. Они жаловались на незаконное утверждение волостным управителем Зааминского общества ранее рекомендованного к избранию, но получившего лишь 14 голосов Умурзака Аймухамедова, тогда как за Ниязмухамедова был подан 31 голос. Но областное правление отказалось утвердить его волостным управителем. В жалобе выражен протест против действий царской администрации. Требуя проведения новых выборов, избранные народом пятидесятники с возмущением писали: «...Такие выборы находим неправильными, не подлежащими утверждению. Если должность выборная — значит должен быть утвержден тот, кто получил больше, если нет — незачем беспокоить народ, отрывать от занятий, производить волнения, неизбежные при выборах. Если выбранный нами большинством не удовлетворяет почему-то начальство, мы можем избрать другого, но не желаем, чтобы нам навязывали человека, не отвечающего своему назначению»[8].

Порой выборные-пятидесятники вообще отказывались выбирать волостного управителя или народного судью. Так, 8 декабря 1906 г. и. д. начальника Ошского уезда, подполковник Алексеев сообщал военному губернатору Ферганской области об аресте выборных-пятидесятников Кичигайской волости за отказ от выборов народных судей[9].

В коллективной жалобе 33 крестьян Кабутской волости Ходжентского уезда Самаркандской области на неправильные выборы волостного управителя Назрыкула Салимбаева подробно перечислялись факты, свидетельствующие о взяточничестве, лихоимстве этого волостного, постоянно злоупотреблявшего своим положением. Как отмечается в жалобе, сам Назрыкул Салимбаев при свидетелях сказал, что «недавно уплатил старшим чинам Самаркандского областного правления 15 тыс. тенег за утверждение его в должности, а также за оставление поданных на него заявлений без последствий»[10].

---

[4] Там же, л. 1.
[5] Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958, с. 122.
[6] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 586, л. 9—10.
[7] Там же.
[8] Там же, л. 36.
[9] Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 8670, л. 1.
[10] Там же, ф. И-1, оп. 13, д. 586, л. 65—66.

Так под влиянием общей революционной ситуации нарастала волна крестьянского движения, вливавшегося в общее русло революционных событий.

5 августа 1905 г. царский МИД писал военному губернатору Ферганской области, что «по имеющимся в Департаменте полиции, добытым агентурным путем сведениям усматривается, что туземное население Ферганской области в настоящее время находится в состоянии сильного брожения»[11].

2 ноября 1905 г. начальник Кокандского уезда сообщал военному губернатору Ферганской области о получении негласных сведений о том, что «последние события внутри России вызывают брожение в туземном населении...»[12]

В связи с тревожным положением в Кокандском уезде по просьбе начальника уезда была выслана сотня казаков для усиления Кокандского гарнизона и охотничья команда.

6 ноября 1905 г. начальник Маргиланского гарнизона сообщал: «Охотничья команда 9 батальона выступит утром 7 ноября из Нового Маргилана по следующему маршруту, намеченному военным губернатором Ферганской области: Маргилан, Чимион, Риштан, Ахча, Яйпан, Канибадам, Беш-арык на Бувайды»[13]. Войска высылались для устрашения населения. 26 ноября 1905 г. начальник Маргиланского гарнизона предлагает командиру конно-горной батареи быть в боевой готовности ввиду возможного во всякое время вызова батареи для «успокоения ...могущих возникнуть ...беспорядков... как в Маргилане, так и в соседних уездах»[14].

Положение в Ферганской области было настолько серьезным, что и. д. туркестанского генерал-губернатора В. В. Сахаров предписывает 23 декабря 1905 г. военному губернатору Ферганской области В. И. Покотило принять меры против революционной агитации среди коренного населения Ферганской области[15].

Однако крестьянское движение продолжало нарастать. Так, 21 декабря 1905 г. военный губернатор Самаркандской области А. Д. Гескет предписал полицмейстеру г. Самарканда расследовать причины отказа населения платить налоги[16].

Товарищ прокурора Самаркандского окружного суда 25 февраля 1906 г. донес об отказе жителей Уратюбинского участка Ходжентского уезда платить подати за 1905 г.[17]

В апреле 1906 г. сообщалось, что киргизское население в Маргиланском уезде «не желает ничего платить»[18].

Только по трем областям Туркестанского края — Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской — в связи с массовым отказом крестьянства платить налоги недоимки за 1905—1906 гг. составили 1 076 623 руб.[19]

Особенно значительными были недоимки в Ташкентском и Самаркандском уездах. В обзоре Туркестанской казенной палаты за 1905 г. указано, что недоимки по Ташкентскому уезду вызваны рядом причин, в том числе вследствие «брожений политического характера», замечавшихся особенно в местностях уезда близ Ташкента и железной дороги[20]. Это указание на революционизирующую роль рабочего класса Ташкента, особенно железнодорожных рабочих, весьма ценно.

Сенатор К. К. Пален, ревизовавший Туркестанский край в 1908—1909 гг., перечисляя причины недоимок, указывал: «Не без влияния на

[11] Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 8304, л. 9.
[12] Там же, д. 8302, л. 1—5.
[13] Там же.
[14] Там же, д. 2869, л. 28.
[15] Там же, д. 430, л. 23.
[16] Там же, д. 200, л. 118.
[17] Там же, ф. И-130, оп. 1, д. 32, л. 72.
[18] Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 35860, л. 3—4.
[19] Там же, ф. И-87, оп. 1, д. 26678, л. 132.
[20] Там же, д. 26694, л. 216.

исправность плательщиков оставалось и общее политическое движение 1905—1906 гг.» И далее: «...Недоимочная задолженность уездов Самаркандской области в казну в 1905—1906 гг. возросла на 25—50%»[21].

Недоимки были вызваны, таким образом, демонстративным отказом крестьян от уплаты налогов царской казне.

Крестьяне все чаще стали отказываться и от выхода на бесплатные «общественные» работы. Так, весной 1906 г. в Ташкентском уезде отказались от выполнения ирригационной повинности (постройки дамбы на арыке Баратходжа) куйлюкцы. Вслед за ними отказались от участия в постройке этой дамбы жители г. Ташкента и Ниазбекской волости[22].

13 апреля 1906 г. на имя военного губернатора Сырдарьинской области поступило заявление от крестьян аулов Кошмулла и Алтын Ташкентского уезда об отказе выйти на ирригационные работы на арыке Искандер, орошавшем главным образом Троицкий поселок. Начальник Ташкентского уезда отмечал, что «в текущем году впервые начинают возникать отказы от таких работ»[23].

В марте 1907 г. отказались от выполнения ирригационных повинностей жители кишлака Карабас Ниазбекской волости Ташкентского уезда[24].

Крестьяне отказывались также производить в порядке натуральной повинности пробные умолоты зерна и иные работы для поземельно-податных комиссий, бесплатно обслуживать личные нужды чиновников этих комиссий — обеспечение их питанием, квартирой, перевозкой вещей и т. п.

Так, в протоколе маргиланской поземельно-податной комиссии за 1906 г. говорится, что «до настоящего года не возбуждался вопрос о том, за чей счет и средства должны производиться пробные умолоты и др. работы. В нынешнем же году со стороны рабочих 2, 3 и 5 участков было несколько запросов, кто уплатит им за труды. Современное политическое движение побуждает чутко относиться к подобного рода заявлениям»[25].

Ранее население кишлаков бесплатно привлекалось и к борьбе с саранчой. В связи с многочисленными жалобами крестьян туркестанская администрация вынуждена была в 1906 г. согласиться на оплату этих работ. Однако на деле крестьяне не всегда получали должную плату. Так, в газете «Самарканд» была опубликована заметка, обвинявшая контролеров Чашмаобской и Даульской волостей в том, что «населению не выплатили за участие в борьбе с саранчой»[26].

Аграрные волнения принимали все более острый характер. Учащались случаи захвата беднотой земель местных баев, вакуфных земель, нарастало число конфликтов из-за земли и воды.

Острые конфликты происходили на участках, «замежеванных» поземельно-податными комиссиями в число «свободных» государственных земель. Население вообще пыталось не допустить землемеров к измерению земель, уничтожало межевые знаки и т. д.

Так, землемер Шахназаров при отмежевании земель Мадаганского общества Чапкулукской волости Ходжентского уезда Самаркандской области встретил вооруженное сопротивление со стороны лайлакских киргизов. На одном из участков к Шахназарову подошли киргиз Бабаджан Гасанов с сыном Ашуром и потребовали прекратить работы. А когда Шахназаров отказался выполнить их требования, крестьяне

---

[21] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом. Налоги и повинности. СПб., 1910, с. 89—90.

[22] ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 28861, л. 11.

[23] Там же, л. 12.

[24] Там же.

[25] Там же, ф. И-19, оп. 1, д. 33616, л. 26.

[26] Там же, ф. И-7, оп. 1, д. 72806, л. 61.

избили Шахназарова и его помощника и уничтожили все межевые знаки[27].

В феврале 1906 г. поступила жалоба от крестьян Ханарыкского общества Яккатутской волости Маргиланского уезда на имя военного губернатора Ферганской области с требованием о возвращении крестьянам тех земель, которые по решению чрезвычайного съезда народных судей от 8 февраля 1896 г. были присуждены в их пользу и из которых при производстве поземельно-податных работ в 1904 г. часть площадей была замежевана в число «свободных» государственных земель и обращена в казенную оброчную статью. Эти земли затем сдавались в аренду. Яккатутцы жаловались на захват арендаторами и тех земель, которые были сохранены за населением после производства земельно-податных работ[28].

Очень остро проходили водные споры. В апреле 1906 г. жители селения Чарку Исфаринской волости оказали вооруженное сопротивление представителям царской администрации, пытавшимся лишить этот кишлак части стока вод Исфарасая. Вооруженные палками и камнями жители селения Чарку напали на старшин и караульщиков, которые пытались разрушить плотину на Исфарасае. Руководивший этой акцией капитан Румянцев вынужден был подписать приказ об утверждении вновь избранного сельского старшины и выдать расписку, что воды Исфарасая останутся по-прежнему в пользовании жителей Чарку. Однако позднее власти направили туда казаков, которые арестовали 23 человека[29].

Немало разных конфликтов происходило при распределении воды и в других областях, например в Сырдарьинской[30].

Особенно много жалоб вызывали злоупотребления лесничих, лесообъездчиков, лесных сторожей, которые под видом борьбы с самовольными порубками лесов занимались явным вымогательством и притесняли крестьян, налагая произвольные штрафы, отбирая заготовленный лес, не разрешая пасти скот и даже запрещая собирать в лесу сухой хворост. Крестьяне с ненавистью относились к этим чиновникам и нередко расправлялись с ними.

Самовольные порубки леса в период революции 1905—1907 гг. приняли массовый характер. В. И. Ленин называл их «разгромно-порубочными» формами аграрного движения[31].

Так, 18 июня 1905 г. зарафшанские лесные объездчики проехали по дачам Кштутской волости, проверяя билеты на право пользования топливом. Возмущенные их произволом крестьяне избили и прогнали объездчиков[32].

В селении Аучи Ходжентского уезда лесничий Гайдук летом 1905 г. арестовал крестьянский скот, якобы незаконно пасшийся в лесу. Тогда группа крестьян напала на лесничего и стала избивать его палками и камнями. Гайдук выстрелом из пистолета убил одного и ранил второго крестьянина. Все участники нападения были арестованы. В селение прибыла воинская охотничья команда 16-го Туркестанского линейного батальона для охраны окрестных лесов[33].

Нарушений лесного устава было очень много. Так, в 1905 г. было составлено протоколов о нарушении этого устава: по Ферганской области — 625[34], по Самаркандской — 790[35], по Сырдарьинской — 2725[36].

---

[27] Там же, ф. И-18, оп. 1, д. 8159, л. 4.

[28] Там же, ф. И-7, оп. 1, д. 4706, л. 1.

[29] Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент, 1984, с. 208—213; ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 795, л. 8.

[30] ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 7941, 11164, 15979, 16050, 16185, 16231 и др.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 208.

[32] Назаров Х. Социально-экономический строй Кухистана во второй половине XIX — начале XX вв.— Сб. аспирантских работ кафедры истории Таджикского Гос. университета им. В. И. Ленина, вып. I, Сталинабад, 1957, с. 46.

[33] ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 885а, л. 17.

[34] Там же, ф. И-7, оп. 1, д. 2794, л. 10.

[35] Там же, л. 37.

[36] Там же, л. 81.

Народ не желал знать никаких запретов властей, считая лес своей собственностью.

Массовый характер приняли в период революции 1905—1907 гг. так называемые «разбойные» нападения на представителей имущих классов, наиболее жестоко эксплуатировавших крестьян. Так, 7 июня 1905 г. врио Кокандского уездного начальника А. И. Алексеев сообщал военному губернатору Ферганской области В. И. Покотило об убийстве и ограблении ростовщика Назарбая Шарипова.

К «разбойным» царские власти относили и партизанские действия местного населения против наиболее ненавистных баев, торговцев, волостных управителей и т. п. Эти нападения носили явно политический характер. Таковы были, например, выступления Намаза Перимкулова[37], который в годы первой российской революции фактически возглавлял движение бедноты в Самаркандском и Каттакурганском уездах.

События революции 1905—1907 гг. произвели серьезный перелом в сознании узбекского крестьянства. В этом смысле характерен рапорт каттакурганского уездного начальника в канцелярию туркестанского генерал-губернатора (1905 г.), в котором сообщалось об отношении коренного населения к царским чиновникам: «Есть случаи наложения взыскания за бросание камнями со стороны детей, бывали случаи, что женщины ругали русских чиновников. Наконец, для меня весьма подозрительны те плевки, которые бывают слышны, когда проходишь мимо туземцев...»[38]

Таким образом, революция 1905—1907 гг. всколыхнула широкие массы трудового населения края, в том числе дехканства. Все это наглядно иллюстрирует ленинское указание о том, что первая российская революция пробудила угнетенные народы Востока «к борьбе за азбучные права человека, за демократию»[39].

Қ. З. Ҳакимова

ТУРКИСТОНДА ДЕҲҚОНЛАР ҲАРАКАТИНИНГ РИВОЖЛАНИШИДА 1905—1907 ЙИЛЛАР РЕВОЛЮЦИЯСИНИНГ ТАЪСИРИ

Мақолада биринчи Россия революцияси даврида Туркистондаги деҳқонлар ҳаракати бой архив материаллари асосида баён қилинади. Автор деҳқонлар оммасининг эксплуатация ва социал истибдодга қарши синфий курашининг турли формаларини муфассал таърифлаб беради.

---

[37] Пясковский А. В. Указ. соч., с. 445.
[38] ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 12583, л. 7 об.
[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.